Культура. – 2001. – 2-8 фев. – с.4

Диагноз "доктора Чехова"

Сошлись в Челябинске три постановки "Дяди Вани"

Не счесть алмазов
в каменных пещерах.
Время от времени гирлянды
их то там, то здесь
"просветы в небо,
что оконца", выходят
на поверхность, загораясь
гирляндами непохожих
постановок. Так случилось,
сошлись у нас в городе
на границе двух сезонов
один за другим три решения
старой пьесы.

Осень несбывшихся надежд

Спектакль Виктора Шраймана в Магнитогорском драмтеатре им.Пушкина – концептуально режиссерский: авторский текст здесь приносится в жертву его оригинальным идеям. Шрайман не то чтобы радикально экспериментирует с классикой, но пытается вписать Чехову еще один современный нерв: его интересует проблематика коллективных тел, знакового явления эпохи массового общества. Для этого вводятся необозначенные драматургом активно действующие лица – суетная массовка, одетая в зеленые (лакейские что ли?) одежды. Время от времени она заполняет сцену, паясничает и кривляется, дразнится. Потом на время постановщик о них забывает, но вскоре "зеленый шум" появляется вновь. Вязкое, тягучее вещество массовки связывает персонажей по рукам и ногам в единое многоголовое чудище, единый организм. Вот и проблемы у всех у них общие. Одна на всех. Всем нужно небо в алмазах.

Бессловесная тусовка подчеркивает странность отношений самих персонажей, точно не знающих еще всю правду о себе, и оттого примеривающих разные лики и маски. Поэтому большая, занимающая основное пространство веранда более похожа на эстраду летнего театра. Взбегая на ее мощный мощенный помост, чеховские герои разыгрывают спектакль в спектакле. О невозможности простых и искренних отношений.

Иное дело – дуэты и сольные партии: для них артисты выходят на авансцену. Там без подпорок извне привнесенного они, доноры и вампиры, обретают внутреннее единство и сосредоточенность. И барственный профессор Серебряков (Сайдо Курбанов), и суховатый, изможденный дядя Ваня, "барин облезлый" (Игорь Кравченко), и шаржированная маман (Лидия Одаренко), и растерянная, лишенная харизмы Елена (Елена Ерина), и – особенно – сильная и чистая Соня (Анна Дашук / Юлия Нижельская). Реплики равномерно распределены между всеми, не важно, кто их произносит. В финале вместо млечного пути – снег. Трагедия состоится при любой погоде.

Драма мужчин среднего возраста

По выходе критики отмечали "кинематографичность" постановки "Дяди Вани" в Малом театре. Ну, разумеется, какие ассоциации может вызвать спектакль, поставленный Сергеем Соловьевым?! Между тем от сугубо кинематографического тут немного – тщательно высвечиваемый прожектором в прологе каждого акта осенний букет. И вправду очень красиво. Хотя и не совсем в "тему". Как и виолончель в руках Войницкого. Впрочем, это все так и остается "складками на поверхности", не слишком затрагивая сути традиционного прочтения пьесы. Акценты расставлены самые что ни на есть школьно-учебные: Россия – родина, смерть неизбежна.

Малый очередной раз выступает в амплуа машины времени, перенося нас в условия "правильного" театра прошлых, даже позапрошлых лет. Декорации Валерия Левенталя тому всячески способствуют: стог сена в глубине, колоннада обветшавшего гнезда, в меру подробная веранда... Да, по духу и антуражу это очень мхатовский спектакль (а каким еще мог быть Чехов в цитадели русской традиции?).

Впрочем, есть нечто, противоречащее установкам школы: этот "Дядя Ваня" напрочь лишен ансамбля и поставлен как бенефис пары братьев Соломиных. Видно, заметно – только их, остальное, остальные убраны в тень, стушеваны. Скажем, в работах театров из Магнитогорска и Челябинска роль Марии Васильевны превращена в гротесковую клоунаду. Тут же маман почти не видно. Протагонистов сюжета Соловьев выводит едва ли не на авансцену. Исподволь возникает эстетика эстрадной репризы: текст не проговаривается, но подается, продается, как, скажем, в Ленкоме. Действие организует соперничество двух этих персонажей, каждый из которых существует в особом мире и даже при наличии общих сцен они вообще не общаются! Астров (Виталий Соломин) берет публику обаянием, Войницкий (Юрий Соломин) – глубиной и проникновенностью страдания. Если кит со слоном сойдутся, кто кого поборет? В лучшем случае победит дружба.

Между тем отсутствие гармоничного, уравновешенного ансамбля тоже ведь можно принять за прием – звенящая пустота зависает меж разобщенных жителей сцены. Чехов лишается объемного симфонического звучания сплетенных в жгут судеб; вместо этого – экзистенциальная драма стареющих, но не лишенных эротического огонька мужчин. Выходит не Чехов, но Бунин периода "Темных аллей". Поэтому романс Исаака Шварца на его стихи звучит кстати:

И цветы, и шмели,
и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...
Срок настанет – Господь сына
блудного спросит:
"Был ли счастлив ты
в жизни земной?!"

Алмазы – навсегда

Главреж Челябинского театра драмы Наум Орлов ставит своего "Дядю Ваню", полностью растворяясь в актерах. Букет ансамбля снимает минимальное насилие концепции над текстом: Орлов выращивает спектакль органическим образом, поливая его подслудными чеховскими мотивами, сдабривая актерскими индивидуальностями. Вот жители его и лишены мягкотелого обаяния, трепетной ранимости. Режиссер идет вслед за "доктором Чеховым", вскрывая душевные гнойники провинциальной жизни, заштатных ее обывателей.

Камерная история рассказана в духе телефильмов Бергмана: психологизм и легкий налет метафизики, иррациональность взаимополагания. И вырастающий из этой необъяснимости причин и следствий обыденный какой-то мистицизм. Мы точно присутствуем при выяснении отношений в обыкновенной семье. Поэтому здесь нет персонажей главных и второстепенных – все на равных проживают свой кусок жизни. Потому и не может быть одной на всех истины или морали: у каждого своя правда существования. Орлов избегает соблазна поставить спектакль "про профессора" или "про дядю Ваню". Предметом изучения оказывается неуловимое вещество жизни, проходящей, как дождь, стороной. Да, жизнь – это не праздники и даже не будни, это фон; то, что проходит, неизбежно уходит куда-то в сторону, мимо. В этом смысле мы обречены: гибнет каждый в одиночку, но тьма на всех одна. Единственная возможность ее преодолеть – вера в Бога, который для них, кажется, очередной раз умер. Серебряков (Леонид Варфоломеев) не может быть убедительнее или "правильнее" Войницкого (Сергей Акимов) хотя бы потому, что в исчезновении своем, рассеиванье они одинаковы. Вспомним последнюю ремарку.

Ощущение насыщенности, плотности (не полноты) бытия возникает из-за особой проработанности персонажей, обычно относимых к вспомогательным. Именно домашние, Вафля (Виктор Кругляк / Николай Ларионов) и няня Марина (Ольга Сафронова), Войницкая (Лилия Бокарева) и Соня (Светлана Илющихина / Татьяна Горюшкина), оказываются главными хранителями не атмосферы, но фабулы, фундаментом, обеспечивая тылы протагонистам сюжета. Их обязательная задушевность облаком надежности и уюта накрывает остовы обгоревших и остывших душ, врачует их, дает надежду. Но только на чуть-чуть, когда временно можно отложить решение проблем на потом. Именно поэтому няня обходит сцену с горящей свечой, точно чистит углы, отпугивая всяческую нечисть, читает молитву. Свечи вообще оказываются несущими символами спектакля. Дядя Ваня, подобно герою "Ностальгии" Тарковского, пытается осуществить со свечой "проход" к сути жизни. И, подобно стеариновому обрубку, сгорает в бессмысленных и безрезультатных бореньях с самим собой. Вместо неба в алмазах – зола и пепел.

Я свеча, я сгорел на пиру.
Соберите мой воск поутру,
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать
и чем вам гордиться.

Фото А.СОКОЛОВА

Сцена из спектакля Челябинского театра драмы. Соня – Т.Горюшкина, Дядя Ваня – С.Акимов

От частного к общему: судьба семьи в судьбе страны, общие тенденции, как свет, вода и газ, приходят в каждый дом. Исчерпав общее, подошло к краху и сугубо частное существование. На смену здоровому, розовощеко-оптимистическому позитивизму профессора приходит болезненно-бледный декаданс Войницкого. И выкликаемые им имена Шопенгауэра и Достоевского звучат как диагноз. Нетрадиционно в спектакле решается и образ Астрова. Борис Петров играет его жестко, намеренно грубо. А чего можно ждать от одинокого, заброшенного в деревню человека? Никаких иллюзий – жизнь такова, какова есть: тяжелая, трудная, беспросветная. Эпоха исчерпалась, а жизнь на этом не заканчивается. И нужно существовать. Даже если нельзя. Даже если не можешь. Атлантида привычного образа жизни, традиционного уклада ушла на дно. Только там еще, на самой глубине, нас можно увидеть здоровыми и невредимыми: под слова финального монолога Сони подобно теням выходят из разных углов все до одного персонажи пьесы и садятся за общий стол, накрытый посредине сценического пространства. Точно собираются на каком-то уже давно потонувшем корабле.

Дядя Ваня вновь оказывается живее всех живых. В его саду опять вишни – после "сцен из деревенской жизни" Наум Орлов вырастил свой еще более мизантропический "Вишневый сад", магнитогорцы восстановили "Чайку" Валерия Ахадова.

Дмитрий БАВИЛЬСКИЙ